УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2Р-2Санкт-Петербург)
Г16

Галкина Юлия Сергеевна, Шер Максим Яковлевич.

Г16 Двухэтажный Ленинград. Жилая застройка 1945–1950 годов / Юлия Галкина, Максим Шер. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.— (Истории домов и их жителей).

ISBN 978-5-04-185677-9

Книга «Двухэтажный Ленинград. Жилая застройка 1945–1950 годов» дополняет серию «Истории домов и их жителей». В издании впервые собраны материалы по истории малоэтажной жилой застройки и повседневной жизни Ленинграда первых послевоенных лет. Двух- и трехэтажные дома, построенные в то время, иногда называют «немецкими». Помимо уникальных архивных фотоснимков, а также чертежей 1940-х гг. в книгу включены сделанные недавно цветные фотографии всех построек в одном из малоэтажных кварталов за Нарвской заставой. Этот характерный пример архитектуры конца 1940-х оказался под угрозой сноса. Послевоенные рабочие районы редко становятся частью туристических маршрутов, но именно они, как представляется, хранят дух своего времени. Книга является увлекательным источником информации об одной из малоизученных страниц в истории Ленинграда и будет интересна как профессиональным исследователям, так и всем, кто любит Петербург.

ISBN 978-5-04-185677-9

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2Р-2Санкт-Петербург)

© Юлия Галкина, Максим Шер, текст и фото, 2023
© Дмитрий Девишвили, художественное оформление, 2023
© Оформление. ООО "Издательство "Эксмо", 2023

Идея нашей книги выросла из интереса к истории повседневности, из стремления воспринимать прошлое сквозь призму микроистории[1] и обыденной жизни людей в пику официозу и большим нарративам. Из последних часто выпадают целые пласты событий, явлений и жизней, не вписывающиеся в них из-за недостатка «великих достижений», неудобства или парадоксальности фактов. При этом они могут быть важными для многих из нас.

Этой книгой мы попытались решить две задачи. Первая — с помощью документов, газетных и журнальных публикаций того времени, немногочисленных современных работ историков и интервью с бывшими и нынешними жителями разузнать в деталях, как за несколько послевоенных лет в Ленинграде успели спроектировать, построить и запретить малоэтажное жилье — те самые «немецкие» двух-трехэтажки, о которых все слышали, но фактически мало что знали, — и как вокруг них возник «немецкий» миф. Вторая задача — подробно зафиксировать на фотопленке один такой малоэтажный микрорайон, который, видимо, скоро пойдет под снос и в котором прошло детство одного из авторов.

В истории советской архитектуры малоэтажное жилищное строительство первых послевоенных лет не нашло подробного освещения ни в советское время, ни после. Между тем это был первый в СССР по-настоящему массовый, повсеместный опыт

[1] Микроистория — направление в истории, занимающееся изучением малых территорий и общностей прошлого, например, небольшого города, квартала, семьи и т. д. Цель — реконструкция их повседневной жизни, чаще всего выпадающей из так называемой большой истории.

возведения жилья именно для рабочего класса, ведь до войны новые жилые дома в городах строили в основном для номенклатуры (единичные экспериментальные жилмассивы 1920-х годов не в счет). Те, кто не относился к господствующему классу, вынуждены были мыкаться по коммуналкам и баракам.

Короткий период с момента окончания Второй мировой войны и до смерти Сталина был ознаменован в Советском Союзе некоторым «послаблением» политического режима, которое, правда, быстро сменилось новым ужесточением. Во время той скоротечной «либерализации», вероятно, и возник вопрос о строительстве жилья для того социального класса, от имени которого вроде как выступала партия большевиков. Как бы там ни было, с послевоенными малоэтажками связаны теперь тысячи прожитых жизней, и в бывшем Советском Союзе нет, наверное, ни одного города, где не было бы построено хотя бы одного поселка или квартала из двух- и трехэтажных «немецких» домов. Мифы, возникшие вокруг них, — явление столь же распространенное, хотя и местами сильно преувеличенное; так часто бывает, когда достоверная информация в дефиците.

На фоне торжества современных антигуманных «человейников» опыт жилищного строительства эпохи позднего сталинизма выглядит на удивление человечным, «сомасштабным» человеку, как это принято называть в отечественной архитектурной публицистике, хотя человечность эта была тогда скорее вымученной и быстро сошла на нет: малоэтажный эксперимент в Ленинграде власти признали неудачным и постановили свернуть.

***

Структура нашей книги не совсем обычная.

Книга разделена на две части. В 16 главах первой части рассказывается об истории строительства «немецких» малоэтажек в послевоенном Ленинграде, опыте жизни в них и современном их состоянии. Вопреки отечественной традиции, акцент в тексте сделан не на стилях и зодчих, а на социально-политическом контексте и бытовых под-

робностях послевоенной жизни: их позволяют раскрыть тогдашние документы и газеты, прекрасно передающие дух времени, и, конечно, воспоминания бывших и нынешних жильцов. Текст иллюстрируют проекты планировок районов малоэтажной застройки и черно-белые архивные фотографии. Последние подбирались по принципу «меньше реализма социалистического, больше реализма документального».

Во второй части представлены сделанные в 2020 и 2021 годах цветные фотографии 60 домов одного из малоэтажных кварталов за Нарвской заставой, который расположен между улицами Трефолева, Турбинной, Баррикадной и Новоовсянниковской. Почему именно он? Об этом — в отдельном небольшом предисловии ко второй части.

Юлия Галкина, Максим Шер

«Наши архитекторы и планировщики отказались от так называемых коммунальных квартир с большим числом комнат, длинными коридорами, с неизбежной теснотой в местах общественного пользования. Новые квартиры рассчитаны, как правило, на одну семью и состоят большей частью из двух-трех комнат», – ФРАГМЕНТ СТАТЬИ В ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД»[1].

[1] Новые дома // Вечерний Ленинград. 1947. 10 апреля. С. 3.

В октябре 2021 года, гуляя по Коммунару, — областному городу в 40 км от Петербурга, — я увидела памятный знак с надписью: «Здесь покоятся военнопленные жертвы Второй мировой войны: немцы, эстонцы, французы, голландцы, латыши, австрийцы, венгры». Знак открыли в середине 1990-х при участии немецкой делегации. Раньше на этом месте было кладбище военнопленных, потом — территория школьного сада, а сейчас строят храм. В нескольких сотнях метров от памятного знака, там, где Ленинградское шоссе пересекается с Ленинградской улицей, стоят типовые двухэтажные дома с уставшими желтыми фасадами. Возможно, их строили те самые немцы, эстонцы, французы, голландцы, латыши, австрийцы, венгры. Или все же нет: по документам, дата постройки домов — начало 1950-х, а тех же пленных немцев из Ленинграда и области к тому моменту давно вернули на родину.

Репатриировали, а нарратив остался. Вот что говорят современные жильцы петербургских двух- и трехэтажных домов, построенных сразу после войны:

Анна Станкевич (40 ЛЕТ, В 2009 ГОДУ ПЕРЕЕХАЛА ИЗ ЦЕНТРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В РАЙОН НАРВСКОЙ ЗАСТАВЫ): «Про пленных немцев по секрету рассказал кто-то из соседей на прогулке с собакой сразу после переезда. И глаза страшные сделал. Звучало это вполне правдоподобно. Но потом стала обращать внимание на похожие домики, построенные не только в Петербурге, и до сих пор задаюсь вопросом: „Это же сколько пленных немцев было у нас в стране, что они все успевали строить?“»

Сергей Мельников (42 ГОДА, СЕМЬЯ ЖИВЕТ В МАЛОЭТАЖНОМ ДОМЕ В РАЙОНЕ НАРВСКОЙ ЗАСТАВЫ С 1965 ГОДА): «Не помню, кто мне рассказал, но с детства слышал, что немцы строили это здание».

Иван Князев (62 года, архитектор, живет в одном из домов у станции метро «Удельная»): «Все жильцы говорили, что пленные немцы строили. Это „рукодельные“ дома, как на рубеже веков, и [лепнина] там получше была. Наши люди так делали при царе батюшке, а потом [технологии] были утеряны».

Пересказывая сюжет о пленных немцах на строительстве ленинградских малоэтажек, жители, как правило, ссылаются на родственников, соседей и интернет. «Мои, вернувшись после эвакуации, получили большую комнату и переехали с Васильевского острова на проспект Стачек, — пишет мне капитан маломерного судна Сергей Навагин. — Дети бегали смотреть на ту стройку [малоэтажных домов]. Мама рассказывала кратко: „Мы видели, как пленные немцы строили эти коттеджи“». Помимо устных историй и электронного фольклора, есть — очень скудные — документальные подтверждения, что спецконтингент задействовали при возведении двух-трехэтажных домов в Новой Деревне, за Нарвской заставой и в других районах Ленинграда. Прочитать об этом подробнее можно в главе «Пленные немцы».

Но гораздо больше, чем спецконтингента (военнопленных разных национальностей), — и даже немного больше, чем мужчин в целом, — на ленинградских послевоенных стройках было женщин. К 1947 году «удельный вес женщин в строительстве» на рабочих специальностях составлял почти 53%[2]. Об этом — в главе «Строители и строительницы».

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. 24 О. 2в. Д. 7662. Л. 183.

Архитектурный извод сюжета о пленных немцах звучит следующим образом: малоэтажные дома в послевоенном Ленинграде якобы строили по германским проектам.

Галина Петровна (82 года, ее семья живет в малоэтажном доме на Школьной улице с постройки здания в 1951 году): «Никаких военнопленных здесь не было. Это просто дома немецкого проекта».

Это не так. Проекты двух-трехэтажных домов разработали ленинградские архитекторы. Один из них, Александр Гегелло[3], утверждал, что они впервые «столкнулись с про-

[3] См. главу «Московский район».

ектированием малометражных квартир и малоэтажных городских домиков»[4].

Искусствовед Игорь Бартенев указывал на сходство между послевоенными коттеджами и конструктивистскими жилмассивами 1920-х. В первую очередь — Тракторной улицей, соавтором которой был Гегелло: «Сходство это не случайно. Тогда, в 1924–1925 годах, строительство только начиналось... <...> И теперь, после войны, когда срочно надо было налаживать жилой фонд, строители вновь обращаются к кварталам поселкового типа»[5].

После войны — как и до — от конструктивизма декларативно отрекались. Архитектор Николай Баранов в 1946 году назвал дома в жилмассивах 1920-х «невзрачными серыми коробками»[6]. Но наследие первого советского массового жилья для рабочих — в первую очередь Палевского жилмассива и Серафимовского городка[7] — определенно проступает в фасадах малоэтажных послевоенных домов.

Впрочем, дома эти были очень разные. Восьмиквартирные двухэтажки того же Гегелло, с лихими скосами крыш, совсем не похожи на неоклассические особняки с колоннами Левинсона и Асса[8]. Привести послевоенные ленинградские проекты к единому — понятному и тиражируемому — знаменателю не получилось. Об этом — в главе «Типизация».

Попытка типизации — не единственная причина, почему в окраинных — в основном свободных от старой застройки — районах Ленинграда после войны стали строить именно двух-трехэтажные коттеджи, а не многоэтажки. «Основное преимущество малоэтажных домиков — это то, что малоэтажное жилье теоретически должно быстро строиться, быстро вводиться в эксплуатацию и должно давать больше экономического эффекта, чем наше многоэтажное жилстроительство», — говорил в октябре 1947 года Гегелло[9].

На практике получилось иначе. История «немецких коттеджей» в Ленинграде — компактная, охватывающая приблизительно пять лет: от конкурса проектов в 1946 году до запрета на малоэтажное строительство в конце 1950 года. Историк Александр Ваксер называет строительство коттеджей «паллиативной мерой, продик-

[4] ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. О. 11. Д. 147.

[5] Бартенев И. А. Зодчие и строители Ленинграда. Л., 1963. С. 238.

[6] Архитектурный облик Ленинграда // Вечерний Ленинград. — 1946. — 20 апреля. — С. 2.

[7] Палевский жилмассив — объект культурного наследия народов РФ, находится в Невском районе. Авторы: Алексей Зазерский и Николай Рыбин. Серафимовский городок — региональный объект культурного наследия, находится в Кировском районе рядом с Тракторной улицей и послевоенной малоэтажной застройкой. Как и Тракторную, Серафимовский городок спроектировали Александр Гегелло, Александр Никольский и Григорий Симонов.

[8] См. главу «Невский район».

[9] ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. О. 11. Д. 147.

тованной острейшим жилищным кризисом, слабостью строительной базы»[10]. Со своей задачей малоэтажки справились плохо: жилья все равно было катастрофически мало, во многие индивидуальные квартиры в итоге заселяли по две и более семей, лишь усугубляя коммунальный вопрос в Ленинграде. Об этом — в первой части «Хроника».

[10] Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982. СПб, 2005. С. 76.

«Коттеджами» двух- и трехэтажные дома называли сами современники. Пример: «А. А. Оль предложил проект четырехквартирного дома типа коттеджа», — сообщала в 1946 году газета «Вечерний Ленинград»[11]. Она же, чуть позже: «Каменные коттеджи занимают видное место в плане восстановления и развития города» (из заметки, которая так и озаглавлена — «Городские коттеджи»)[12].

[11] Комфортабельные квартиры // Вечерний Ленинград. 1946. 15 мая. С. 2.

[12] Городские коттеджи. Первый опыт строительства малоэтажных домов // Вечерний Ленинград. 1946. 11 декабря. С. 2.

«Немецкими» коттеджи стали, очевидно, позже — как самостоятельный подвид «сталинок»[13]. В технико-экономических паспортах домов, опубликованных на государственном портале «Наш Санкт-Петербург», используют именно этот эпитет: «немецкие». Тем не менее не все жильцы в курсе такого обозначения зданий.

[13] То есть многоквартирных домов преимущественно в неоклассическом стиле, построенных в основном в годы правления Сталина.

Галина Перепелкина (54 ГОДА, СЕМЬЯ ЖИВЕТ В ОДНОМ ИЗ МАЛОЭТАЖНЫХ ДОМОВ У МЕТРО «АКАДЕМИЧЕСКАЯ» С 1970 ГОДА): «Не слышала о „немецких коттеджах“. Эти дома я никак не называю».

Сергей Мельников: «Вообще не слышал, чтобы эти дома как-то называли. Дома и дома».

Анна Станкевич: «Дома называю немецкими коттеджами. Удобно и многие понимают, о чем речь. И мне кажется, что втайне завидуют».

Систематизированных опубликованных исследований о послевоенных коттеджах Ленинграда почти нет. В городских путеводителях их если и упоминают, то кратко, не придавая большого значения их исторической значимости. Так, например, в путеводителе 1986 года «Ленинград» (среди авторов — Б. М. Кириков, Ю. М. Пирютко, В. Г. Лисовский) о малоэтажной застройке Новой Деревни — всего одно предложение в самом конце издания:

«В 1946–1948 гг. вдоль [Приморского] проспекта вырос „город-сад“ — обширный микрорайон, состоящий из 92 малоэтажных жилых зданий»[14].

При атрибуции коттеджей исследователи, как правило, ссылаются на статью инженера Аркадия Любоша о малоэтажных домах, опубликованную в 1949 году в журнале «Архитектура и строительство Ленинграда». Мы постарались использовать весь доступный массив источников: архивы, городские газеты 1940-х годов, интервью с жильцами об их опыте быта.

Малоэтажные дома по типовым проектам после войны появлялись во многих городах СССР: в 1946 году их даже обсуждали на тематической конференции в Таллине[15]. Доктор архитектуры Юлия Косенкова в книге «Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов» отмечает: «Курс на малоэтажное строительство... отнюдь не был осмыслен как временная, вынужденная мера, связанная с низким уровнем строительной базы. Напротив, под него подводились гуманитарные основания, связанные с преимуществами для трудящихся жизни на земле, в неразрывной связи с природой. Тратилось немало усилий, чтобы доказать, что типовой малоэтажный дом — полноценное жилище, а составленные из таких домов поселки имеют право считаться „большой архитектурой“, которые наряду с монументами, отражающими пафос Победы, и составят среду полноценного города»[16].

Ленинградские архитекторы, авторы малоэтажных проектов, прожили длинные жизни — почти все, кроме Якова Рубанчика, чьи дома стоят на Большой Охте. Он умер в 1948 году, не застав ни запрет коттеджей, ни появление в той же части города, только на Малой Охте, первых по-настоящему типовых и массовых построек — хрущевок.

14 Ленинград. Путеводитель. Л., 1986. С. 364.

15 См. главу «Другие города».

16 Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2009. С. 120.